

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Материалы XXIII Международной
научной конференции факультета иностранных языков
Томского государственного университета
(студенческая секция)

21–24 октября 2012 г.

Томск
2013

ВЕНЕЦИАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИОСИФА БРОДСКОГО**Н.А. Евдокимова***Томский государственный университет*

Рубеж XX–XXI столетий ознаменован глубоким кризисом Культуры, возможной утратой культурной памяти, влекущей за собой разрыв между культурными идеалами прошлого и новыми ценностными ориентирами человека. В условиях духовно-нравственного кризиса высокие идеалы не выдерживают «проверки» реальной жизнью, утрачивается значение и смысл, вложенный в них предыдущими поколениями. Творческое начало покидает культуру, растёт пренебрежение к этическим нормам, начинается духовная деградация. В этой связи проблема переоценки ценностей приобретает особую актуальность. Действительно, переосмысление ценностных ориентиров человечества может послужить реальным основанием для выхода из затянувшегося кризиса мировой культуры.

Данная статья посвящена утверждению непреходящего значения вечных ценностей человечества, таких как «красота», «любовь», «жизнь», «родина», «гуманизм», в творчестве выдающегося писателя, поэта, эссеиста, драматурга и переводчика XX века Иосифа Бродского. Иосиф Бродский, обладая тонким поэтическим даром, уловил самое начало кризиса Культуры, выделил общезначимое для неё смысловое ядро, на основе которого может быть предпринята попытка Возрождения Культуры.

Размышления об истоке творчества и вечных ценностях Человечества выражены во многих произведениях Бродского. Однако особое внимание поэта привлек образ Венеции. Многие выдающиеся историки культуры занимались исследованием «венецианского мифа» поэта [1. С. 20–27], однако, в их работах в большей степени затронут историко-биографический аспект. В связи с этим представляется важным рассмотреть аксиологическую составляющую венецианского наследия поэта, т.к. Венеция сыграла огромную роль в ценностном осмыслении жизни и творчества Иосифом Бродским.

Впервые приехав в «водный город», поэт пишет стихотворение «Лагуна», [2. С. 224] первые же строки которого намеренно содержат глубокий культурологический подтекст, «погружая» читателя в глубину памяти Культуры. В Венеции, всем существом своим воспринимая Красоту, поэт как будто весь превращается в «глаз». Эта тема созерцания Красоты и узрения её сущности полностью охватывает эссе «Watermark» - последнюю книгу Бродского, посвященную рождественским путешествиям поэта и глубокому переживанию Красоты в мире.

Джон Апдайк писал о «Watermark»: «Восхищает отважная попытка добыть драгоценный смысл из жизненного опыта, превратить простую точку на карте в некое окно на вселенские условия существования, из своего хронического туризма выделить кристалл, грани которого отражают всю жизнь, с изгнанием и нездоровьем, поблескивающими по краям тех поверхностей, чье прямое сверкание есть красоты в чистом виде» [3. С. 250].

Название эссе, навеянное Бродскому самим духом Венеции, выражает особое мироощущение, возникающее в этом городе, неизбежно уходящем под воду. Построенная на разветвлениях канала, с момента рождения Венеция уплывает в небытие, сохраняя при этом свой первоначальный облик эпохи Возрождения. Облик «конца прекрасной эпохи» становится символом её постепенной утраты. Отсюда и особое эстетическое понимание Венеции Бродским как города вечной красоты, смерти и смерти красоты [2. С. 229].

Глубокая близость поэтической души Бродского духу Венеции ощущается им сразу по прибытию в город: «I was smitten by a feeling of utter happiness...» [4. С. 13]. Происходит символическое возвращение в Италию – «вечное возвращение» к идеалам и ценностям Культуры. Будучи подлинной родиной поэта, Венеция ассоциируется с домом, «с теплом в его сердечном смысле» [1. С. 122], с Россией, давно оставленной им, но не оставившей его и за пределами своих границ. То и дело появляющиеся в описании города реплики с русскими словами выражают глубокую тоску поэта по родному языку, способному передать все возможные оттенки, все нюансы настроения, всю полноту сердца. «Дом – это место, где тебе не задают лишних вопросов. Там никто их не задает, там никого нет, там только я», – спустя семь лет признался Бродский [5. С. 671]. Россия и Венеция оказываются связанными для поэта незримой нитью: родина, которая дала миру Нобелевского лауреата и родина, которой принадлежит его душа. Венеция – город совершенства Красоты, предел и одновременно исток человеческого существования, место единения души и божественного начала. В этом контексте вполне уместно перезахоронение поэта на венецианском кладбище Сан-Микеле. «Венеция – идеальное место, чтобы похоронить Бродского, поскольку Венеция нигде» [3. С. 284]. Зимняя Венеция – город вне времени и вне пространства, город, существующий в том же прекрасном облике, что и века назад. В этом городе, буквально основанном на античных идеалах, особенно остро чувствуется утрата вечной, первоначальной Красоты, и потому сохранение облика города приобретает всемирное общекультурное значение.

Единство двух вышеозначенных смысловых моментов – сохранения и одновременно утраты вечных ценностей и прекрасного облика – создают целостный образ Венеции, выявляют истинную сущность и высший замысел города. Чем больше человек «прикасается» к духу города, тем меньше он принадлежит сам себе. Воды Венеции являют образ бесконечного течения времени в гераклитовом смысле, времени, неподвластного метаморфозам человеческого бытия и безвозвратно уходящего все так же, как и сотни лет назад. «Это та же вода, что несла крестноносцев, купцов, мощи святого Марка» [5. С. 639].

Поэта интересует, на первый взгляд, внешнее проявление Прекрасного [5. С. 611]. Бродский справедливо считает, что человек, прежде всего, наделён даром «видеть» Красоту. Именно «видение» играет главную роль в восприятии объекта. Действительно, корень этого слова происходит от латинского «video», что означает не только «видеть», но и «обладать чувством зрения, быть зрячим, воспринимать, ощущать, чувствовать» и даже «слышать». Весь спектр значений вкладывает Бродский в понятие «видения» Красоты. Поверхность – первое, что воспринимает человек, первое, до чего дотягивается его глаз. Внешняя сторона лучше всяких слов говорит о содержании объекта [4. С. 13]. «Поверхностное» влияние господствует над всем, что принадлежит Венеции: архитектура, ландшафт, произведения

искусства, сувенирные лавки и даже люди. Все становится объектом эстетического созерцания, не менее глубокого, чем переживание красоты сердцем.

Но эта «поверхность» – только одна сторона многогранного творчества Бродского, своим «глазом» умевшего ухватить в «поэтическом мгновении» всю глубину переживаний и красок. Несмотря на то, что поэт довольно часто говорит о чисто внешнем восприятии красоты, «глаз» является именно внутренним органом поэта, только глаз способен к «узрению» сущности Венеции, её первоосновы. Самоцель Венеции – быть замеченной, быть оцененной «глазом» наблюдателя, быть местом средоточия прекрасного, уходящего в никуда, но неизменно возвращающего к своему истоку.

Чувство постоянной утраты красоты, неотъемлемое от Венеции, обращает в незначительное все за своими пределами. Вневременное существование Венеции стирает следы «временного» пребывания человека. Каждый человек, становится единым целым с этим городом, проникая в его душу, в «пейзаж, способный обойтись без меня» [4. С. 171]. Но сохраняя свою изначальную целостность, своей водной гладью унося в небытие все следы незнакомцев, Венеция оставляет неизгладимый след в душе каждого из них. Так приходит понимание быстротечности жизни, «преходящности» всего земного, «временности» человека, одновременно с чувством Вечности Красоты и «всевластия» Времени.

«Глаз» открывается именно в Венеции, в городе, оторванном от цивилизации и технического прогресса, где человек неизменно погружается во всеобщую и первозданную красоту, изначально неуловимую, в поисках которой люди путешествуют по миру. Таково, например, путешествие в Стамбул, во время которого Бродский ищет святую, вечную, неподвластную разрушающему воздействию времени Красоту, и не находит того ощущения, свойственного Венеции, с ее вечно умирающей, но вечно живой культурой. «Культура умирает только для какого-то конкретного человека. Говорить о смерти культуры – значит быть солипсистом, для которого существует только реальность его сознания» [5. С. 424], – вспоминает Бродский. Очевидно, что для Бродского смерть культуры невозможна, а её кризис – всего лишь веха на пути к новому Возрождению. Несмотря на невозможность смерти культуры, венецианский миф, достаточно распространенный не только в русской, но и мировой культуре, неизменно связан с гибелью Красоты и подлинного гуманизма [1. С. 260–285].

Тема смерти культуры, красоты и смерти красной нитью проходит через «Watermark» – последнюю книгу Бродского, выразившую весь многолетний творческий опыт поэта-изгнанника, всю «тоску» и надежду странника. Здесь выразилось «невыразимое» – познание красоты внутренним оком. И вслед за этим выражением пришло предельное понимание жизни и её смысла. Ещё в молодости Бродский поклялся выбраться из родных трущоб, и непременно поехать в Венецию, наслаждаться жизнью и красотой этого города, а затем покончить с собой, не сумев умереть в Венеции от естественных причин: «And I vowed to myself that should I ever get out of my empire, should this eel ever escape the Baltic, the first thing I would do would be to come to Venice, rent a room on the ground of some palazzo so that the waves raised by passing boats would splash against my window, write a couple of elegies while extinguishing my cigarettes on the dump stony floor, cough and drink, and, when the money got short, instead of boarding a train, buy myself a little Browning and blow my brains out of the spot, unable to die in Venice of natural causes» [4. С. 28].

В этом сокрыт истинный смысл рождественских путешествий поэта. Внутренняя тяга поэта к безмолвной красоте города явила подлинное чувство Прекрасного – абсолютной Красоты. Только совершенная Красота является подлинным эстетическим ориентиром, пределом человеческого мироощущения. Перефразируя древних итальянцев, Бродский с юности мечтал «Увидеть Венецию и умереть!». Но в смерти – не столько отрицание жестокой действительности, сколько стремление к истинному источнику красоты, явившейся вследствие «выхода» города из времени. Поэт считает, что «поиски красоты» обречены изначально, т.к. красоту невозможно считать целью, она лишь «отблеск» истины в античном смысле. «Глаз» ищет красоту, потому как она утешает его своей безопасностью, не стремясь причинить ему боль и страдания, каких он видел в жизни немало. Само понятие «красота» Бродский выводит за рамки абстрактного и делает её местом, где глаз отдыхает: «For beauty is where the eye rests» [4. С. 55]. Тем самым местом, где Бродский хотел оказаться на закате своих дней, Дома.

После венецианского путешествия, разочаровывает всё, ведь «As the world goes, the city is the eye's beloved» - «Венеция есть возлюбленная глаза» [4. С. 56]. Магическое действие архитектуры, скульптуры захватывает поэта, а вода подчеркивает их великолепие.

Неподвластность Венеции всеобщему течению времени, её самобытная, однако являющаяся символом всеобщей, культура привлекают поэта, вдохновляют на творчество. «Watermark» – это внутренний монолог, обращенный к сокровенному: любви, смерти, красоте.

Медленное погружение города под воду приоткрывает завесу истинного понимания эстетического, так же как в последние годы своей жизни Иосиф Бродский понимает смысл бытия Венеции в мире. Венеция неизменна: человеческая жизнь проходит, Красота остается.

Таким образом, венецианское наследие Иосифа Бродского имеет существенное значение в истории сверхвременного диалога культур Италии и России, истории мировой культуры в целом, при этом оказывается необходимым этапом создания «венецианского мифа» русской культуры, привнося понимание сути и смысла бытия Венеции в мире. Бродский не ограничивается общим историко-культурным описанием Венеции как города-памятника, но выходит на уровень философского осмысления судьбы Культуры, сосредотачиваясь вокруг аксиологических, эстетических, экзистенциальных проблем. Философские размышления, составившие основу эссе «Watermark», касаются универсалий Культуры, таких как «красота», «любовь», «жизнь», «родина», «гуманизм», выступающих у Бродского в качестве ценностных ориентиров развития и совершенствования Человечества в его непрерывном поиске Красоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меднис М.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1998. 392 с.
2. Лосев Л.В. Реальность зазеркалья // Иностранная литература. 1996. № 5.
3. Лосев Л.В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М. : Молодая гвардия, 2008. 446 с.
4. Венецианские тетради. Иосиф Бродский и другие / сост. Е. Марголис. М. : ОГИ, 2002. 254 с.
5. Бродский И.А. Большая книга интервью. М. : Захаров, 2000. 709 с.